

Цзао Цинь приоткрыл рот. Очертания чужого лица показались ему в полумраке смутно знакомыми.

— Ты... — выдохнул он.

Теплое дыхание сорвалось с губ вместе со словом. В то же мгновение чьи-то пальцы властно обхватили его за подбородок. Незнакомец словно только этого и ждал — нетерпеливо, почти грубо он прильнул к его губам, заглушая любой возможный протест.

Цзао Цинь совершенно не понимал, как всё докатилось до этого. Какой-то неведомый наглец зажал его в углу кровати и целовал без всякого стыда.

«Это же... разве это не хоррор-игра?»

Губы юноши, мягкие и прохладные, податливо приоткрылись. Незнакомец проник глубже, сминая влажный, сладкий язык, и принялся упоенно, жадно сосать, не в силах оторваться от этого вкуса.

Тот, похоже, не хотел заходить слишком далеко при первом поцелуе — сдерживал себя, лишь очерчивал контур нежных губ, лаская их и пробуя на вкус. Свободной рукой он крепко перехватил правое запястье Цзао Циня, пресекая любые попытки сопротивления.

Стоило незнакомцу на миг отстраниться, как Цзао Цинь судорожно, часто задышал. Тот тихо усмехнулся и, не удержавшись, снова коротко поцеловал его в губы.

Мужчина навалился грудью, прижимая ноги юноши к постели. А затем, сообразив, просто сгрел его в охапку — длинные сильные руки обхватили спину, бедра и плечи, легко приподняв Цзао Циня и усаживая к себе на колени, полностью лишая возможности пошевелиться.

Щеки Цзао Циня вспыхнули так, словно их опалило пламенем. Его окутало чужое горячее дыхание. Юноша почти не двигался, но сердце колотилось с такой силой, будто он только что пробежал марафон. Тело мгновенно покрылось испариной, а кожа горела.

Находящийся в кармане телефон коротко вспыхнул и погас. Цзао Цинь этого не заметил — звук был предусмотрительно выключен, и экран затух без единого вибросигнала.

Силы окончательно покинули Цзао Циня. Когда его наконец уложили обратно на матрас, мужчина навис сверху, тяжело опираясь на руки. Он целовал его лицо и шею с жадностью огромного пса, который вознамерился облизать своего хозяина с ног до головы, чтобы оставить на нем собственный запах.

Незнакомца оторвали от него грубо и резко. Из-за внезапности Цзао Цинь даже не сразу понял, что произошло. Его припухшие, влажные губы мелко дрожали, кончик языка судорожно

ловил холодный воздух, а в мыслях царил полный хаос.

— Ах ты тварь... — процедил кто-то сквозь зубы, и этот полный ярости шепот заставил Цзао Циня окончательно прийти в себя.

Раздался глухой, сочный удар кулака о кость. Сун Чэн с одного замаха свалил парня в маске на пол. Тот отлетел в темноту, с грохотом врезавшись во что-то тяжелое.

Впрочем, нападавший оказался не из слабаков. Даже получив сильный удар по голове, он мгновенно сориентировался, вскочил на ноги и выхватил из-за пояса нож.

Холодный лунный свет зловеще блеснул на стальном лезвии, разлив по комнате леденящий душу блеск.

Опомнившийся Цзао Цинь хотел было закричать, но звук застрял в горле. Сверкающий клинок уже устремился к Сун Чэну. Тот вовремя среагировал и резко уклонился в сторону.

Цзао Цинь завозился на простынях, намереваясь слезть с кровати и помочь, но тут же испугался, что только путаться под ногами будет и подставит Сун Чэна. Он опустил взгляд, и в этот миг его ноздрей коснулся знакомый, дурманивший разум аромат.

Это был запах свежей, теплой крови.

Вампирские инстинкты, дремавшие внутри, мгновенно пробудились от этой невыносимой жажды. Цзао Цинь испуганно зажал нос рукавом, пытаясь перекрыть доступ сладковатому запаху.

К несчастью, из-за бешеного стука сердца и близости столь желанной добычи он уже почувствовал, как кончик его языка наткнулся на выдвинувшиеся острые клыки.

Положение было отчаянным. Выбежать из комнаты он не мог — его бы просто задело в потасовке. Оставалось лишь надеяться, что Сун Чэн поскорее прогонит незваного гостя.

Ярость затапливала разум Сун Чэна. Когда он распахнул дверь и увидел в полумраке силуэт рослого мужчины, нависшего над Цзао Цинем, у него перед глазами всё поплыло от бешенства. В тот миг он хотел только одного — разорвать ублюдка на куски.

Гнев наделил его утроенной силой. Не замечая боли от собственных ран, Сун Чэн выхватил из системного пространства боевой нож и бросился на врага.

Пользуясь заминкой, человек в маске сумел выскользнуть за дверь и скрылся в коридоре. Сун Чэн не стал его преследовать. Вместо этого он подскочил к кровати, крепко сжал плечи Цзао

Циня и взволнованно спросил:

— Ты цел? Он ничего тебе не сделал?

Цзао Цинь проснулся на удивление бодрым. Он сладко потянулся, чувствуя себя превосходно отдохнувшим — ночь прошла без единого кошмара, подарив ему долгожданный покой.

Было еще совсем рано, на улице едва брезжил рассвет. Шторы в комнате общежития были широко распахнуты. Сун Чэн, вопреки своей привычке вставать ни свет ни заря, всё еще спал. Он лежал лицом к кровати Цзао Циня, растрепанные черные волосы разметались по подушке, четко обрисовывая прямой, волевой профиль.

События прошедшей ночи стояли перед глазами, но былая тревога необъяснимым образом притупилась. Все страхи теперь казались далекими, словно отделенными от него невидимым защитным барьером. Даже новость о том, что его родителей никогда не существовало, больше не ранила душу, превратившись в некий обыденный факт.

Он отчетливо помнил, как после побега за ворота Сун Чэн принес его на спине в здание студенческого совета. Стоило оживить это в памяти, как последующие сцены хлынули бурным потоком.

Юноша сел на постели, зажмурился, качая головой в нерешительности, а затем снова бессильно рухнул на подушку.

«Это точно был сон. Обыкновенный кошмар...»

Однако едва уловимое покалывание на губах безжалостно возвращало к реальности. Он инстинктивно облизнулся и тут же испуганно отпрянул — губы казались чужими, онемевшими.

Цзао Цинь осторожно коснулся их пальцами. Припухшие, нежные. Раньше он никогда не задумывался, пухлые у него губы или нет, но теперь они явно отекали после поцелуев. От досады к глазам подступили слезы.

Ему отчаянно хотелось, чтобы кто-то его пожалел, но довериться было некому.

«Если об этом пронюхают местные сплетники, тут же поползут грязные слухи. Будут шептаться за спиной: "Этот Цзао Цинь такой доступный, позволяет целовать себя первому встречному..."»

"Система..."

Голос в его голове отозвался привычным, ровным мужским тоном:

"Я слушаю тебя."

"А, ладно, забудь... Ты ведь всё равно не человек".

Система выдала лаконичное:

"?"

Внезапно Цзао Циню пришла в голову мысль. Он нашарил в кармане вчерашней куртки мобильный и прибавил яркость экрана. Запустив форум Клана крови, он обнаружил, что аватарка того странного парня горит зеленым.

«Точно всю ночь не спал. Нынешние подростки только под утро ложатся».

Маленький саженец: * «Мне так не везет».*

На самом деле он сомневался, стоит ли писать, но потребность выговориться и получить хоть каплю сочувствия перевесила гордость.

Цзинь: * «?»*

Вопросительный знак? Всего один куцый символ? Нормальные люди в ответ на такое пишут: «Всё в порядке?» или «Что случилось?». Этот лаконичный ответ разом отбил у Цзао Циня всё желание излить душу. Он обиженно перевернулся на другой бок, чувствуя, как внутри закипает глухое раздражение.

Маленький саженец: * «Ладно, проехали. Ты всё равно не поймешь».*

Цзинь: * «Исключено».*

Ли Чжиюэ в этот момент ехал на заднем сиденье представительского автомобиля, направляясь в офис. Набирая эти строки, он ничуть не лгал — он искренне не верил, что в мире существует нечто, недоступное его пониманию. С самого детства в любом состязании он занимал исключительно первое место. Для остальных пределом мечтаний оставалось серебро.

Вот только...

Маленький саженец: * «Меня поцеловали».*

Ли Чжиюэ нахмурился. Слово «поцеловали» показалось ему диким и чуждым в этой переписке. Он невольно кликнул на аватарку собеседника, но тут же поспешно закрыл ее, словно обжегшись о яркую картинку.

****Цзинь:**** * «Тебе это принесло радость?»*

Цзао Цинь едва воздухом не поперхнулся от такого вопроса.

****Маленький саженец:**** * «?? Сам радуйся! У меня губы болят, я вообще этого не хотел!»*

****Маленький саженец:**** * «Какая же мерзость».*

****Цзинь:**** * «.»*

И всё? Просто точка?

****Маленький саженец:**** * «И ты тоже бесишь! Только знаки препинания слать умеешь, буквы забыл?»*

Ли Чжиюэ удивленно приподнял брови.

Он впервые сталкивался с тем, чтобы этот крошечный «саженец» показывал зубки. Мало того что разозлился без видимой причины, так еще и выместил обиду на совершенно постороннем человеке. Причем ругаться толком не умеет — в его лексиконе были лишь детские «бесишь» да «мерзость».

Мужчина невольно улыбнулся.

****Цзинь:**** * «Глупый».*

Осознав, что эта глупая пикировка доставляет ему странное удовольствие, Ли Чжиюэ на мгновение замер. В ту же секунду на экране высветилось двухсекундное голосовое сообщение.

Стоило нажать на воспроизведение, как из динамика раздался тихий, обиженный голосок:

— Сам ты глупый!

Юноша явно пытался говорить грозно, но из-за природной мягкости и того, что он нашептывал это в микрофон, угроза звучала до смешного ласково и беззащитно.

Водитель осторожно глянул в зеркало заднего вида. Встретившись с ледяным взглядом босса, он тут же поспешно отвернулся. Ли Чжиюэ поднял звуконепроницаемую перегородку в салоне и, повинувшись какому-то странному порыву, нажал на запись еще раз.

— Сам ты глупый...

— Сам ты глупый...

Он прокручивал этот короткий отрывок снова и снова, вслушиваясь в нежную интонацию.

Губы, которые поначалу почти не болели, теперь горели огнем — казалось самовнушение и то, что Цзао Цинь без конца покусывал их от волнения. К тому времени, как нужно было выходить, припухлость стала слишком заметной.

Цинь Цзышуай увязался за ним под предлогом совместного обеда. Но стоило им выйти в коридор и притворить дверь, как замок щелкнул снова. Из комнаты вышел Сун Чэн. Растрепанная челка падала ему на лоб. Он шел следом, держась на расстоянии нескольких метров.

Впрочем, коридор вел только в одну сторону, так что упрекнуть его в слежке было нельзя. Цинь Цзышуай скользнул по нему холодным взглядом зеленых глаз и равнодушно отвернулся.

Он шел вплотную к Цзао Циню, задевая его плечом при каждом шаге. На фоне отстающего на пару шагов Сун Чэна их близость выглядела вызывающе подчеркнутой.

Повернув голову к спутнику, Цинь Цзышуай ласково позвал:

— Циньцинь...

Но едва его взгляд упал на лицо юноши, он осекся. Брови его недовольно сошлись у переносицы, отчего Цзао Цинь невольно вздрогнул.

— Что? — робко спросил он.

Цинь Цзышуай наклонился ближе, бесцеремонно вглядываясь в его лицо, и ткнул пальцем в собственные губы:

— Почему у тебя так сильно опухли губы? И сбоку вроде кожа лопнула.

Под этим пристальным, изучающим взглядом Цзао Цинь поспешно сжал рот в узкую полоску.

«У меня ни за что не хватило бы духу признаться во всем Цинь Цзышуаю. Да и как это преподнести? Сказать, что ночью он сбежал из комнаты и его зажал какой-то незнакомец? Звучит просто глупо и дико».

Цзао Цинь постарался придать лицу максимально невозмутимый вид и отвел глаза в сторону.

— Ничего страшного. Я просто случайно прикусил губу.

Однако парень не унимался, продолжая нависать над ним чуть ли не вплотную — понятия о личных границах у него отсутствовали напрочь.

— Ты чего... — Цзао Цинь попытался уклониться. Видя, что тот не собирается отступать, он вспыхнул до кончиков ушей. — Хватит, я сейчас разозлюсь!

Услышав эту слабую угрозу, Цинь Цзышуай наконец выпрямился и коротко усмехнулся:

— Да я просто заметил... Выглядит так, словно тебя кто-то долго и страстно целовал.

Попавший в самую точку комментарий заставил Цзао Циня испуганно распахнуть глаза. Он сердито воззрился на шутника:

— Что за глупости ты несешь? Не смей выдумывать! Ненавижу тебя, Цинь Цзышуай.

Юноша попытался оттолкнуть преградившего дорогу парня, но тот даже не пошевелился. Смутившись еще сильнее, Цзао Цинь обошел его сбоку и стремительно зашагал вперед.

Цинь Цзышуай, осознав, что перегнул палку, тут же поплелся следом с виноватым видом:

— Ну прости, Циньцин, я просто пошутил. Больше не кусай губы, ладно? Тебе же больно.

Оставшийся позади Сун Чэн молча сверлил глазами их удаляющиеся, полусмешливо препирающиеся фигуры.

Перед его мысленным взором с упрямой навязчивостью крутилась одна и та же сцена: Цзао Цинь, прижатый к постели массивным телом незнакомца, его незащищенная шея под чужими губами и этот тихий, обиженный всхлип, сорвавшийся в темноте.

Тот посягатель вызывал в нем лютую, первобытную ненависть — ему хотелось задушить его собственными руками. Но самым страшным было то, что в сегодняшнем утреннем полусне у

этого безликого чудовища внезапно оказалось его собственное лицо.

Казалось, этот мальчишка применил к нему какой-то хитрый системный артефакт, привязавший его душу. Иначе откуда это удушающее бешенство? Почему сейчас, глядя на то, как этот наглый Цинь Цзышуай вьется вокруг Цзао Циня, у него в груди разгорается глухой, удушливый пожар? Словно угли под слоем золы — стоит лишь шевельнуть, и пламя поглотит всё без остатка.

Поскольку Цинь Цзышуай учился в другом классе, после обеда ему пришлось попрощаться. Он не стал провожать Цзао Циня до самой аудитории и ушел.

Сун Чэн тут же пристроился рядом с юношей, заняв освободившееся место. Некоторое время они шли в молчании, нарушаемом лишь их шагами, пока наконец парень тихо не произнес:

— Прошлой ночью я нашел зацепку. Кажется, я понял, как вампиры выбирают жертв.

Витавший в облаках Цзао Цинь мгновенно встрепенулся и уставился на него округлившимися глазами:

— Серьезно?

От этого чистого, доверчивого взгляда Сун Чэн на секунду смутился и отвел глаза, но тут же уверенно кивнул:

— Абсолютно.

— Поделишься со мной? — несмело спросил Цзао Цинь. Он до последнего сомневался, захочет ли напарник раскрывать карты.

Ведь его главная задача оставалась прежней: вычислить убийцу-вампира, чтобы наконец завершить испытание и вырваться из этого фальшивого Мира испытания.

Сун Чэн подтвердил его догадки:

— Скорее всего, твари приходят из Сектора А. В первый же день я заметил, что, помимо главных ворот школы, есть еще одна дверь, разделяющая Сектора А и Б. И нападают они не на кого попало. Убийства совершаются в строгом порядке.

Первую часть Цзао Цинь уже знал сам, поэтому весь его интерес сосредоточился на загадочном правиле отбора.

— В каком порядке? — затаив дыхание, спросил он.

Сун Чэн повернулся к нему и, глядя прямо в глаза, отчетливо произнес:

— По уровню успеваемости.

Они как раз проходили через просторный холл учебного корпуса, где вечно сновали толпы студентов. На центральной стене светилося огромное электронное табло со сводным рейтингом успеваемости всех учащихся Сектора Б. В Секторе А подобных списков никто никогда не вывешивал.

Цзао Цинь застыл как вкопанный, тупо уставившись в самый край светящегося экрана. Там, в самом углу позорной последней строчки, сиротливо светилося его собственное имя: «Цзао Цинь».

Посреди залитого солнцем холла его пробрал смертный холод. От ужаса на глаза навернулись слезы.

«Как это вышло?! Я же точно помню, что плелся где-то в конце, но почему теперь я возглавляю список худших учеников всей школы?!»

Сун Чэн словно прочитал его мысли. Он заговорил спокойным, лишенным эмоций тоном — не пытался запугать, лишь констатировал жестокие факты:

— Имена тех, кого уже убили, стираются из этой базы. Ты в списке следующий. Ты в смертельной опасности.

Цзао Цинь лишился дара речи.

«Да как так-то... Я ведь тоже...» — продолжить мысль он не посмел.

Он ведь и сам принадлежал к Клану крови. Неужели сородичи станут нападать на своего?

Впрочем, уверенности в этом не было никакой. Внутри Клана крови внутренние распри и убийства себе подобных никогда не были редкостью.

Сун Чэн осторожно положил ладонь на его узкое плечо. Этот жест, призванный успокоить, выглядел в его исполнении на редкость неуклюже. Но перепуганный Цзао Цинь даже не заметил этой неловкости. Из-за нависшей угрозы он выглядел до крайности жалко и растерянно.

Однако перед глазами Сун Чэна упрямо стоял совсем иной образ этого хрупкого существа — жаждущего крови, беззащитно плачущего и одновременно сладко стонущего от избытка чувств. И это наваждение было невозможно изгнать из мыслей.

Сун Чэн тяжело сглотнул. Он опустил взгляд на свои руки — вчерашние порезы уже затянулись и покрылись темными корочками запекшейся крови.

— Я смогу защитить тебя, — твердо пообещал он.

<http://bllate.org/book/18271/1763094>